

**Читайте классические детективы Татьяны Степановой,
написанные по всем законам жанра:**

В моей руке – гибель
Звезда на одну роль
Венчание со страхом
Прощание с кошмаром
Темный инстинкт
Все оттенки черного
Зеркало для невидимки
Врата ночи
На randevу с тенью
Улыбка химеры
Готическая коллекция
Ключ от миража
29 отравленных принцев
Флердоранж – аромат траура
Молчание сфинкса
Родео для прекрасных дам
Дамоклов меч над звездным тронem
Рейтинг темного божества
Прощай, Византия!
Сон над бездной
Царство Флоры
Предсказание – End
Драконы ночи
Black & Red
Пир на закате солнца
Три богини судьбы
ДНК неземной любви
Душа-потемки
Тот, кто придет за тобой
Демоны без ангелов
Валькирия в черном
Когда боги закрывают глаза
Девять воплощений кошки
Яд-шоколад
Невеста вечности
Колесница времени
Падший ангел за левым плечом
Призрак Безымянного переулкa
Пейзаж с чудовищем
Грехи и мифы Патриарших прудов
Созвездие Хаоса
Часы, идущие назад
Светлый путь в никуда
Умру вместе с тобой
Циклоп и нимфа
Последняя истина, последняя страсть
Перекресток трех дорог
Имеющий уши, да услышит
Великая иллюзия
Коридор затмений

ГЛАВА 1

ПОКУШЕНИЕ

Она проснулась глубокой ночью. Ее разбудил не сон, не кошмар, а уверенность, что в ее темной спальне с наглухо занавешенными окнами кто-то есть. Она всегда задергивала шторы в полнолуние, потому что огромная луна, отражавшаяся в глади озера, на берегу которого стоял их дом, не давала ей спать. Луна властно вмешивалась в ее сны, луна околдовывала ее, затягивая в морок — туда, на темное дно озера, где среди ям и коряг обитали чудовища. Так ей казалось с некоторых пор.

Во тьме она лежала, затаив дыхание, притворяясь спящей, чутко прислушивалась к каждому звуку ночи — скрип, шорох, чье-то дыхание... И этот звук...

Ее лица коснулось нечто липкое и холодное. В первую секунду она подумала — ей кажется. Сон все еще не отпустил ее, она пребывала на грани яви и бодрствования. Однако прикосновение было вполне реальным — холодное, липкое. Что-то ползло по ее голове, по волосам, по лбу, добираясь до глаз, до губ.

Она хрипло вскрикнула и рванулась с подушек, рукой сбрасывая с себя нечто нечистое, отвратительное... Включила лампу на столике у кровати и...

Она не поверила своим глазам: на подушке — черное пятно. На краю кровати у изголовья — второе черное пятно.

Это были две крупные жабы.

Электрический свет отражался в их выпученных глазах. Кожа жаб, покрытая бородавками, блестела в неярком свете лампы как лакированная.

Она дико закричала от страха.

В спальне вспыхнул верхний свет — такой яркий, что на миг она зажмурилась. Вспышка ослепила ее как молния.

А когда вновь открыла глаза, то увидела в углу спальни *его*.

Он стоял и смотрел на нее. Внимательно, пристально наблюдал, словно оценивая. А затем его губы тронула торжествующая улыбка. Он наслаждался ее паникой и страхом.

Он прятал руки за спиной. Он еще что-то скрывал от нее.

И внезапно...

Он шагнул к кровати, размахнулся и... Швырнул в нее тяжелый металлический совок, который они использовали для золы из камина.

Острый металлический край...

Она рухнула навзничь на постель, прямо на отвратительную жабу.

Совок с грохотом ударился о стену.

Почти теряя сознание от ужаса, чувствуя под щекой шевелящуюся жабу, царапающую лапой ей шею, она успела подумать: «На совке для камина он принес этих тварей ко мне...»

Он все рассчитал...

Он снова хочет меня убить.

Полковник Гушин наклонился над телом, взялся за рукоятку ножа рукой в перчатке и осторожно потянул на себя. Нож, всаженный в горло жертвы, не поддался.

— Удар большой силы, — констатировал полковник Гушин. — Сквозной. Нож пробил горло, повредил шейный позвонок и... вонзился в кухонный линолеум.

Он потянул сильнее, выдернул нож. Голова мертвой женщины, припиленная к кухонному полу за шею, резко склонилась набок. Клавдий Мамонтов ощутил, как тошнота клубком подкатывает к его горлу. На кухонном полу натекла большая лужа крови, в электрическом свете она выглядела черной. Пахло кровью и... куриной лапшой. Перевернутая кастрюля, сброшенная с плиты, валялась у раковины, куриный бульон смешивался с кровью жертвы, пол усеяла лапша.

Макар Псалтырников, стараясь не наступить в лужу своими дорогими кроссовками, придвинулся к Гушину, так и заглядываясь на выдернутый из раны нож, словно на некое невиданное чудо.

Однако нож был обычным, кухонным, для разделки мяса.

— Из ящика ножик взяли, не с собой принесли, да, Федор Матвеевич? — деловито спросил Макар.

— Ничего здесь не трогай и умолкни, — шепнул ему Клавдий Мамонтов.

Макар лишь усмехнулся. Все происходящее на месте убийства он воспринимал как великое ночное приключение.

Полковник Гушин Макару кивнул — да, нож — орудие убийства, взятое убийцей именно с кухни жертвы. А вот насчет всего остального...

Он передал нож эксперту-криминалисту и снова обернулся к труп. Положил руку на грудную клетку убитой, осторожно все прощупал.

— Удар ножом большой силы, — повторил он. — Нанесен, когда потерпевшая уже упала на пол и лежала навзничь. Удар наносился вот так, — он сцепил руки в замок, поднял их над головой и резко опустил. — Чтобы горло пробить и шейный позвонок ей повредить, ударить из положения стоя убийце было трудно. Поэтому, возможно, он... ладно, остальное мы в прозекторской проверим позже. При вскрытии.

Клавдий Мамонтов понял, что полковник Гушин не желает осматривать тело женщины, задирая на ее впалой груди застиранную линялую футболку на глазах всей оперативной группы. Последняя дань уважения мертвой...

Хотя заслуживала ли жертва уважения?

Помимо запаха крови и куриного бульона на кухне витало стойкое застарелое амбре спиртного. Алкоголем разило и от трупа.

Полковник Гушин вместе с патологоанатомом обследовали голову убитой. В темных коротко стриженных волосах с проседью — сгустки крови.

— У нее помимо ножевой раны черепно-мозговая травма, Федор Матвеевич, — сообщил патологоанатом. — Затылочная область повреждена.

— Именно от этого удара она упала на пол. — Полковник Гушин кивнул. — Ее оглушили, напав сзади здесь, на кухне. Когда она лежала на полу, ей нанесли удар в горло ножом. Добили. Нож взяли из ящика и оставили в ране. А вот предмета, которым

ее оглушили, — он внимательно оглядел кухню, — я здесь не вижу.

— Убийца забрал дубинку с собой? — спросил Макар. — Нелогично как-то.

— Молчи ты, — снова прошипел ему Клавдий Мамонтов, потому что...

Вся опергруппа, присутствующая на месте убийства, все полицейские подмосковного города Чугуногорска, взирали с великим недоверием и плохо скрытой неприязнью на этого типа — яркого блондина — мажора, красавца в рваных джинсах и потертой модной косухе дорогого бренда, которого полковник Гушин привез с собой на осмотр места происшествия.

Первое столкновение «на почве Макара» произошло почти сразу, как только они вдвоем приехали в Чугуногорск, куда полковник Гушин после долгого перерыва в оперативной работе «на земле» выехал на ночь глядя на «бытовое убийство». Во дворе дома жертвы — восьмизэтажки сталинской постройки — их остановили патрульные ППС, не позволяя пройти в подъезд. Клавдия Мамонтова пропустить соглашались, как сотрудника полиции, а вот Макара — нет. А он кто такой? Гражданское лицо? И не здешний житель?

Их обоих пропустили лишь после личного звонка Гушина — и у квартиры жертвы их встретил начальник Чугуногорского отдела полиции в крайне раздраженном состоянии.

— Ты прикомандированный из Бронниц, — грубо бросил он Клавдию Мамонтову, хотя видел его впервые. — Ладно, пусть. Но это что за личность с тобой?

— Мой внештатный сотрудник, мой помощник, — ответил за Мамонтова вышедший из квар-

тиры на площадку к лифту полковник Гушин. — Он в группе по моему разрешению.

— Нарушение правил, — отрезал начальник полиции Чугуногорска.

— Вы начнете мне, начальнику криминального управления и замначальника областного Главка, читать нотации о правилах службы или станете выполнять мои приказы и свои прямые обязанности по организации на местном уровне раскрытия убийства по горячим следам? — холодно, надменно осведомился полковник Гушин. — С кем работать мне, я сам решу, без ваших советов. И повежливее. Ясно?

— Так точно, — во взоре чугуногорского начальника полиции мелькнула неприкрытая злость.

Клавдий Мамонтов ждал, чем закончится перепалка. Да, с Гушиным тягаться местный начальник полиции не мог — мало того, что полковник Гушин — шеф криминального управления, он теперь после тяжело перенесенного ковида и ранения еще и зам. начальника Главка по совместительству. Что ж, судя по выражению лица местного начальника полиции, не рискуя открытым столкновением, он, не откладывая, накатает на Гушина тайный рапорт-донос.

— Предмет, которым потерпевшую ударили сзади по голове, убийца забрал, — Гушин продолжал внимательно оглядывать кухню. — На эту деталь стоит обратить особое внимание.

Клавдий Мамонтов тоже внимательно осматривался по сторонам. Кухня самая обычная — небогатая, ни ремонта продвинутого, ни порядка. Все захлавлено. Мебель кухонная обшарпанная. Холодильник весь в наклейках. Затертые сиденья стульев с пятнами жира. Старые нечищенные кастрюли и сковородки.

Однако кухня с высоким потолком и весьма просторная. И две другие комнаты квартиры тоже просторные, хотя и захламленные, пыльные, небубранные. В большей по размеру комнате раскладной диван, стенка сорокалетней давности, телевизор, женские вещи разбросаны в беспорядке. Другая комната — тоже с продавленным раскладным диваном, письменным столом, постерами музыкальных групп на стенах. В квартире некогда обитали двое.

— Лаврентьева Анна Сергеевна, — полковник Гуштин читал переданный ему оперативником паспорт хозяйки квартиры, который обнаружился в шкафу. — Пятьдесят восемь лет ей. Вчера был ее день рождения, кстати, судя по паспорту.

Он распахнул холодильник. Полупустой — десяток яиц в коробке, хлебница, упаковка сметаны, сковородка с толстым слоем жира. Сковородку не стали даже мыть, готовясь пожарить на старом жире что-то еще — картошку, яичницу... Сунули в холодильник. Однако кое-что хранилось в избытке — банки дешевого пива и две бутылки водки.

Макар нагнулся, извлек стоявшие между раковиной и холодильником три бутылки очень дорогого джина и бутылку марочного коньяка.

— Однако. — Он показал находку Гушину. — Вот на чем она точно не сэкономила.

Полковник Гуштин задумчиво сравнивал дешевое пиво, засунутое Анной Лаврентьевой в холодильник, и дорогой джин и коньяк.

— Интересно, — заметил он. — Ну ладно, проясним... потом... позже... А где ее мобильный?

— Пока мы его не нашли, — откликнулся кто-то из криминалистов, работавших в комнатах квартиры.

Клавдий Мамонтов видел — Гушин о чем-то думает. Бутылки, найденные Макаром, его явно озадачили. Хотя почему? Что мешало женщине-алкоголичке экономить на всем, в том числе и на еде, но позволять себе марочный коньяк и дорогуший джин?

Клавдий Мамонтов снова взглянул на распростертую на полу убитую Анну Сергеевну Лаврентьеву пятидесяти восьми лет. Приземистая, невысокая, широкобедрая, жилистая, темноволосая. По виду ее вроде не скажешь, что она тайком дома пьет. Хотя сейчас утверждать подобное трудно, глядя на бездыханный труп. Но женщин-алкоголичек видно с первого взгляда, вроде как... или нет? Или он таких не встречал в своей жизни?

Лаврентьева была одета по-домашнему — старые спортивные штаны и застиранная футболка. На ногах — тапочки. Когда она упала на пол, они отлетели к раковине.

На лице застыла гримаса боли. В вытаращенных широко открытых глазах — ужас. Видимо, перед ударом ножом в горло она пришла в сознание, несмотря на рану на голове. Она видела нож в руках своего убийцы.

Подбородок густо измазан кровью. На горле зияющая страшная рана.

— Давность смерти пять-шесть часов, судя по состоянию тела, — сообщил патологоанатом.

Макар глянул на наручные часы — одиннадцать вечера.

— Ее убили где-то после пяти часов вечера, точнее скажу при вскрытии. Я труп забираю в морг, у меня как раз окно свободное сегодня на дежурстве. Так что милости прошу, Федор Матвеевич, ко мне в про-

зекторскую на всю ночь. — Патологоанатом профессионально шутил, осматривал кисти рук убитой. — Признаки борьбы с нападавшим отсутствуют. Она не сопротивлялась.

Полковник Гушин из кухни по коридору направился к входной двери. Макар следовал за ним по пятам как прищипленный. Клавдий Мамонтов тоже пошел.

— Федор Матвеевич, два замка и задвижка. И еще цепочка накидная, — все тем же деловитым тоном сообщил Макар Гушину и всей опергруппе Чугуногорска, словно они были глупые и слепые.

— Никаких следов взлома. — Гушин осмотрел стандартную «железную» дверь квартиры. — Она сама открыла, впустила своего убийцу.

Да, все чисто, никакого взлома. А это означает... Клавдий Мамонтов наблюдал, как эксперты обрабатывают дверь, ручку и дверную коробку реагентами.

— Кто ее обнаружил? Кто вызвал полицию? — спросил Гушин.

— Ее сын Алексей Лаврентьев, — ответил начальник Чугуногорского отдела полиции. — Мы его пока не опрашивали, но задержали до выяснения. Он внизу в патрульной машине с нашими сотрудниками.

— Пригласите его сюда, пусть они поднимутся в квартиру, — распорядился полковник Гушин. — Я сам с ним поговорю. И займитесь соседями.

Квартира Лаврентьевой располагалась на втором этаже. Окна выходили во двор, через который можно было попасть прямо на главную площадь городка — к супермаркету и закрытому кинотеатру. За окнами — ночь. Скупой свет фонарей.

ТОТ, КТО ОБНАРУЖИЛ ТРУП

— Иногда они возвращаются, — шепнул Макар Клавдию Мамонтову, пока они ждали, когда оперативники приведут сына Лаврентьевой в квартиру. — На место убийства. Потому что им кажется, что они что-то позабыли, какую-то важную улику, которую надо забрать. Или же чтобы их ДНК появилось на месте убийства для запутывания расследования. Поэтому они возвращаются и разыгрывают из себя *того, кто первым обнаружил труп*.

— Они семья, мать и сын, он бывал здесь, его ДНК и так есть в квартире, — тоже шепотом ответил Клавдий Мамонтов неугомонному другу-всезнайке. — Гущин не потому так поступает. Обычно подобного не делают — свидетелей и родственников на место убийства не допускают. А наш правила нарушает специально.

— Зачем?

— Он сам хочет посмотреть его реакцию. Публичную реакцию сына на убитую мать — в присутствии всей опергруппы.

Сын Анны Лаврентьевой Алексей оказался внешне ничем не примечательным молодым человеком. Самым обычным, каких немало. Лет двадцати восьми, худой, высокий.

— Мама...

Он сразу ринулся к трупу, вокруг которого уже хлопотали эксперты, упаковывая его в пластиковый мешок. Лицо его исказила гримаса. Боль... да, ее было в избытке. Но Клавдию Мамонтову, внимательно наблюдавшему за парнем, показалось, что кроме боли

присутствовало и нечто еще — тщательно скрытое любопытство, смятение, страх и... облегчение.

Полковник Гушин наблюдал за реакцией, он сразу преградил парню дорогу:

— Считаем, что вы ее официально опознали. Это ваша мать Анна Сергеевна Лаврентьева?

— Да... она... мама... Я же ее нашел здесь. Я сразу позвонил в полицию, — фальцет Алексея Лаврентьева дребезжал.

— Пройдемте в вашу комнату, — предложил Гушин и под неодобрительными взглядами чугуногорских полицейских демонстративно кивнул Мамонтову и Макару: за мной.

Они оставили экспертов-криминалистов заканчивать осмотр.

— Что произошло? — спросил полковник Гушин Лаврентьева, плотно закрывая дверь в комнату, чтобы им не мешали. — Я так понимаю, вы с матерью в данный момент не живете?

— Нет. Мы с женой снимаем квартиру в Жуковском. К матери я заезжал время от времени. Мама... я никак в себя не могу прийти... что же это? Грабитель? Вор?! Но когда я вошел, вроде все было в порядке в прихожей и в комнатах, а вот на кухне... Мама...

Мама... Он повторял снова и снова и с разными интонациями. Отчаяние... боль... Искренние или наигранные? Клавдий Мамонтов затруднялся определить. Макар мог бы помочь — он актер по жизни и чутко улавливает эмоциональную фальшь. Однако Макар сосредоточенно молчал, слушал, смотрел.

— Итак, признаков ограбления вы не увидели. Но, может, все же из квартиры что-то пропало? Что-то ценное? Вы не смотрели, не проверяли? — осведомился Гушин.

— Я ничего не проверял. Я вообще боялся что-либо трогать. Я сразу позвонил в полицию. Потом жене... Даше позвонил. Она позже приехала, но ваши сотрудники даже не позволили нам поговорить.

— Таковы правила. Вы открыли дверь своим ключом? — продолжал спрашивать Гушин.

— Конечно, у меня ключи, это же и моя квартира тоже. Я весь день звонил матери... то есть маме... Она не отвечала. И я начал волноваться — мало ли... Решил приехать.

Лаврентьев произнес слова «мать» и «мама» разным тоном — первое почти безразличным, а вот затем словно спохватился, добавил горечи в интонацию.

— Ваша мать чем-то болела? Раз вы встревожились?

— Нет, она не болела.

— Она пила? — прямо спросил полковник Гушин. Парень глянул на него и вспыхнул.

— Нет, нет, что вы... с какой стати? Как это пила?

— Злоупотребляла алкоголем?

— Нет. Да нет же.

Сын защищал мать.

— Разрешите ваш мобильный посмотреть, — полковник Гушин протянул руку.

Парень достал из кармана джинсов смартфон и протянул его Гушину.

— Пожалуйста, у меня нет пароля. Смотрите. Вот мои звонки матери.

Макар через плечо Гушина тоже заглянул.

— Пять раз звонили вы ей сегодня. И поздно вечером решили приехать. После работы? Как освободились? — уточнил Гушин.

— Я сейчас временно не работаю. Наш магазин закрылся.

— Магазин чего, где?

— В торговом центре в Жуковском, магазин спорттоваров.

— А ваша жена работает?

— Нет. Тоже потеряла работу. Их бутик владелец закрыл, обанкротился. Там же, в торговом центре.

— То есть вы оба сейчас безработные?

— Да. — Лаврентьев опустил голову.

— И снимаете квартиру... А чего с матерью не хотели жить в таких обстоятельствах? Все экономия средств, а квартира ваша просторная, всем места бы хватило, — полковник Гушин задавал свои вопросы спокойно, житейски.

— Квартира деда и бабушки, наше наследство. А мы с женой всегда желали жить отдельно. С матерью... с мамой было непросто Даше сосуществовать.

— Свекровь и невестка?

— Типа того, — Лаврентьев отвечал нехотя.

— На что жила ваша мать? Где и кем она работала?

— На складе медоборудования для сети зубных клиник в Жуковском, она ездила на электричке. Склад круглосуточный и график удобный — сутки дежурила и двое отдыхала.

«Сутки работала и двое пила втихаря дома», — подумал Клавдий Мамонтов.

— Судя по всему, ваша мать сама впустила своего убийцу в квартиру, — заметил полковник Гушин. — Она была столь доверчивой? Всем дверь открывала?

— Нет, что вы. Она даже газовщиков порой отказывалась пускать! Она так просто людям не верила.

— Ну, тогда, значит, убийцу она хорошо знала и не боялась его. — Гушин внимательно смотрел на парня. — Логично, правда? Мы станем проверять весь круг ее знакомых, друзей и родственников.

— У матери нет друзей. И подруг тоже.

— С мужчинами она встречалась?

— Она же пожилая!

Полковник Гушин, который сам был моложе потерпевшей всего на два года, хмыкнул:

— Мда... ясно с этим. Ну а ваши родственники?

— У нас есть только тетка Женя. Двоюродная сестра матери. Евгения Лаврентьева, она живет в Бронницах на озере, ей муж бывший дом хороший оставил после смерти.

— Адрес, пожалуйста, — попросил полковник Гушин.

Лаврентьев продиктовал, и Клавдий Мамонтов записал в свой смартфон.

— Осмотритесь в комнате — все на месте? — спросил Гушин.

Парень огляделся — нехотя, словно бы... и кивнул.

— Пройдите в другую комнату, в прихожую, — Гушин открыл дверь и кивнул оперативнику. — Все тоже внимательно проверьте — все ли на месте? И кстати... где телефон вашей матери?

— Что? — парень обернулся. — Мобильный? От городского она давно отказалась, чтобы не платить. Я не знаю... а что, мобилы нет?

— Нет. Но он ведь был — вы ей звонили. И телефон не отвечал.

Лаврентьев пожал плечами.

Комнату матери он осмотрел опять как бы нехотя — в присутствии полицейских — и сообщил, что «вроде ничего не пропало».

Когда его увели из квартиры — Гушин распорядился, чтобы он пока ждал в полицейской машине на улице, — оперативники, производившие обыск,